

Примета.

- Давай, давай, хорошо, так, так, чуть левей, ещё верни, хорошо стоп!

Так командовал Роман Денисович, действиями таксиста, стараясь, как можно удачнее, припарковать такси у подъезда своего дома.

Когда машина была удачно припаркована, из неё вышел водитель, открыл заднюю дверь, и предоставил возможность Роману Денисовичу самому достать груз, который он доставил ему до дома.

Пыхтя, виляющими движениями, протаскивал Роман Денисович, свою покупку по заднему сидению такси. С трудом выбрался через дверь и уже на половину вытащил ту коробку.

В это время, отворилась дверь подъезда и вышел сосед Романа Денисовича, Виктор Васильевич.

- Здорово сосед! Что ты там возишься?

- Да вот, телек купил. Допоможи вытащить.

Виктор Васильевич подошёл к машине и ухватился за коробку, на половину, извлечённую из машины, подхватил за край, и они друженько потащили её к лавке, стоящей у подъезда.

После того, как коробка удачно была доставлена до лавки, Роман Денисович подошёл к водителю, рассчитался с ним, пожал руку, поблагодарил за помощь и вернулся к лавке.

- Ну что Васильич, сказал «а», говори и «б». Потащили телек на третий этаж.

- Погодь, тут без магарыча не обойтись.

- Да будет тебе магарыч, - заверил соседа Роман Денисович.

- Замётано.

После такого заверения, они дружно и осторожно подняли коробку, и, бочком, семеня ногами, направились в подъезд дома.

Когда коробка с телевизором без потерь встала на полу квартиры Романа Денисовича, усевшись на диване, чуть передохнул, вытерев пот со лба, и оба принялись распаковывать коробку.

В это время раздался сначала короткий звонок, а за тем и стук в дверь.

На крик хозяина:

- Открыто, - ввалился, а не вошёл грузный человек, сосед со второго этажа, Пётр Даниилович.

Своей огромной фигурой, он заслонил весь проход в двери. Ростом не велик, потому создавалось впечатление, глядя на него, что он какой-то квадратный. Ко всему ещё и огромная голова, как бы вовсе без шеи, была насажена прямо на туловище. А на туловище выдающейся частью был огромный живот. Вид у него был какой-то не здоровый, любое движение ему давалось с трудом. Даже при ходьбе, он шумно сопел.

Широко улыбнувшись, он спросил:

- И чем это вы тут занимаетесь?

- Во, дыви, Денисович телек купил!

- Хорошо, хорошо. И дорого?

- Да так, в кредит на год.

- Тогда нормально. Так может что помочь надо?

- Ты давай, ты мужик здоровый, поставь его вон та ту тумбочку, - и Роман Денисович указал рукой на тумбочку, которую он заблаговременно приготовил для телевизора. Пётр Даниилович, склонившись над коробкой, осторожно извлёк телевизор, и прижимая к своему объёмному животу, осторожно подошёл к тумбочке. И там, осторожно опустил его на место.

В это время снова раздался стук во входную дверь. И не успел Роман Денисович раскрыть рот, как дверь осторожно открылась и в неё, почти украдкой вошёл долговязый, тощий мужчина.

- Во, Вобла! – вместо здравствуй, воскликнул Роман Денисович, - а ты каким ветром? Или нюхом ведомый?

- Дык вот, вижу, мужики что-то затеяли, я и решил... , а что это у вас? – прервал вопросом своё воркование Вобла.

- Вот, смотри, Денисович телек купил! – с гордостью, как о своём, сообщил Вобле Пётр Даниилович.

- А что, хорошее дело. Только вот, обмыть надо. Ибо, если не обмыть, то работать не будет. Примета такая.

- А что мужики, я не против, - согласился Роман Денисович: - дело в другом, кто пойдёт за магарычом?

И все, как по команде, посмотрели в сторону Воблы. Тот поняв их взгляды, тут же согласился:

- Всё понял, я мигом, ты давай Денисович бабки гони, а я айн момент, слётаю.

Роман Денисович, деловито полез в карман, достал не слишком толстое портмоне, так же деловито вытащил из него купюру, протянув Вобле.

- Так, бери три пузыря, - потом, подумав немного, снова полез в своё портмоне, вытащил купюру помельче, изрекая: - нет, наверное, лучше пять. А то, мужики здоровые, что им тут три пузыря. Мало покажется, снова бежать придётся. Так лучше сразу запасться.

Вобла, приняв деньги из рук Романа Денисовича, аккуратно их сложил, так же аккуратно положил во внутренний карман своего потрёпанного плаща и так же тихо, шмыгнув за дверь.

Оставшиеся, тем временем, продолжили возиться с обновкой.

Пётр Даниилович, развернув телевизор задней стенкой к себе, подставив к тумбочке стул, уселся на него, животом к спинке, взяв комнатную антенну, со внимательным, умным видом, стал изучать отверстия, соображая, в какое из них надо вставить эту самую антенну.

Роман Денисович и Виктор Васильевич, извлекая из коробки книженцию, решили исследовать её. Среди множества языков отыскивали ту инструкцию по эксплуатации, которая была напечатана на русском языке.

Виктор Васильевич, пролистав инструкцию, возмутился:

- И что, это надо всё прочитать!?

- А зачем всё. По-китайски, к примеру, я читать не буду. Да и не знаю я их иероглифы.

- Да при чём тут китайский, ты глянь, сколько тут по-русски начирикано.

- Ну и чё, давай с главного. Вот, пульт управления намалёван. Давай с него. Вот тут и циферки какие-то вокруг него.

- Сдался тебе этот пульт. Вон, тут и телек нарисован, и тоже циферки вокруг него.

- Погодь, во «ком...плек...та...ци...я», - по слогам прочитал Роман Денисович: - давай с неё.

- Не, тут лучше «порядок работы».

Тем временем, Петру Данииловичу удалось распознать гнездо, в которое подключается антенна. И он, с торжествующим видом, воскликнул:

- Ну вот, готово!

И развернул телевизор экраном наружу.

Друзья же продолжали препираться, с чего, в этом огромном описании, им начать читать.

Тем временем, так же тихо, открылась входная дверь, и на пороге снова возникла тощая, длинная фигура Воблы.

- Годится, затарился, - и он начал бойко, из всех карманов извлекать бутылки с водкой.

Роману Денисовичу ничего другого не оставалось, как прервать препирательство по поводу важной части инструкции, и отправиться на кухню, готовить что-нибудь на закуску к столу.

Открыв почти пустой холодильник, извлёк из него пол-литровую банку натреть заполненную салатом недельной давности, поставил её на кухонный стол. Там же в холодильнике выудил селёдину, сиротливо лежащую на верхней полке. Обнаружил ещё несколько огурцов, забытых на блюде, успевших припорошиться белой плёночкой. Поставив огурцы в раковину, открыл холодную воду, чтобы убрать подозрительный налёт с них.

Из кухонного стола достал луковицу. Тут же, на столе, прямо с шелухой, разрезал её на четыре части.

Посмотрев в кухонном столе, достал обшарпанную со множествами сколами эмали, миску. В неё скинул селёдку, лук.

Из хлебницы, стоящей тут же на холодильнике, достал пол буханки, успевшего слегка зачерстветь, хлеба.

Треть банки с салатом сунул под мышку. Прихватив миску и хлеб, всё это, кроме огурцов, понёс к столу.

Вторым заходом, достал из навесного шкафчика четыре рюмки, вытерев их кухонным полотенцем не первой свежести, принёс и их, поставив на стол в комнате.

И уже тогда скомандовал:

- Ну что мужики, кушать подано. Давай Вобла, банку!

Вобла, как знаток банковых дел за столом, деловито взял бутылку, покрутил в ладони головку, отрывая пробку от основания, раскрыв, всё так же, с деловым серьёзным видом, стал разливать по рюмкам.

Когда все рюмки были наполнены, Виктор Васильевич, подняв одну из них, провозгласил тост:

- Ну, вздрогнули!

- Э, не, не, не, так не пойдёт, - возразил Вобла: - за что же пьём?

- Точно, - спохватился Виктор Васильевич: - за покупку, чтобы она служила долго и радовала хозяина.

- Годится, - поддержал тост Пётр Даниилович: - выпьем не чокаясь.

- Ты что это, Данилыч, рамсы не попутал? - снова возразил Вобла: - чай не на поминках.

- Да, попутал, - смутился Пётр Даниилович.

Чокнулись, выпили. Посидели, помолчали.

- Надо закрепить, чтобы примета сбылась. Ко всему, между первой и второй, ну поехали, - продолжал командовать Вобла, тут же наполняя снова рюмки.

Чокнулись, выпили. Снова посидели, помолчали.

И снова взял на себя инициативу Вобла.

- И уж окончательно закрепить успех, чтобы уж наверняка, чтобы примета сбылась, давайте по третьему кругу.

И снова наполнил рюмки. И снова выпили.

Вот тут уже пришла пора и закусывать.

Глядя на стол, снова возмутился Вобла:

- Ты что Денисыч, как тут закусывать? Ты бы хоть селёдину порубал. Да и салат надо было бы во что-то вытряхнуть. Вилки или ложки, что ли. И хлеб, не самим же ломать. Спohватившись, Роман Денисович, бросился на кухню. Взяв в шухлятке кухонного стола ножик, прихватив из мойки огурцы, вернулся к столу. Быстро, и как попало, порезав хлеб, так же и селёдку. На блюде, где лежала селёдка, вывернул из банки весь салат.

Закусили, кто чем пожелал с этого «богатого» стола.

Закурили. Три рюмки водки так и не придали настроения этой компании. Никто не мог придумать, что ему и о чём говорить.

Вобла, всё так же, старательно брал бразды правления за столом в свои руки. Снова разлив по рюмкам, предложил тост:

- За хозяина.

Дружно выпили.

И тут понеслось. Тост за тостом. За хозяина, за обнову, за аппарат, долго ему жить и служить хозяину, за примету, чтобы сбылась.

Пили много, ели мало. Кто-то надгрыз от куска селёдки, кому-то захотелось огурчика, и тоже откусил и бросил на стол. Кто-то отломил корочку хлеба.

И так тост за тостом.

Когда была опорожнена третья бутылка водки, Вобла вспомнил:

- Братцы, чего это мы. Мы даже не испытали аппарат, за который пьём.

Роман Денисович встал с дивана, на котором сидел вместе с Виктором Васильевичем, пошарил по нему и обнаружил пульт дистанционного управления. Садясь на место. Нажал на кнопку включить. Или пальцы у него ослабли после выпитого, а может что-то не так было в телевизоре или самом пульте, но телевизор так и оставался с чёрным экраном. И, без чётное число попыток не дало никакого результата.

- Да, стоп, - скомандовал Вобла: - не пойдёт. Видно мы ещё плохо замочили покупку. Снова налил, снова выпили, и ещё выпили, и снова выпили. И, когда уже оставалось последние пол бутылки водки, Вобла решил, что пора повторить попытку.

За столом уже сидели изрядно выпившие, куняющие носами, готовые погрузиться в тарелки с закусью, субъекты.

И вот, Роман Денисович, совершенно не трезвой ослабшей рукой, берёт пульт. А он, змейкой скользнув между пальцами, полетел под стол. И надо было ему упасть возле

ноги Петра Данииловича. И тот, разворачиваясь, чтобы поднять пульт с пола, всей своей солидной массой, наступает на тот пульт.

Раздался зловещий хруст.

С третьей попытки Петру Данииловичу удалось выловить пульт из-под стола. Но, когда он достал его на свет белый, пульт развалился в его руках. Задняя крышка отскочила и на пол, с характерным грохотом, вывалились батарейки. Сам же пульт, с вывернутыми из своих гнезд кнопками уже напоминал оцетинившегося ёжика.

- А ничего, - заверил всё тот же Вобла: - Можно и без пульта, можно включать и на прямую.

Роман Денисович, поднялся с дивана. Отстраняя Петра Данииловича, который сидел как раз спиной к телевизору, заслоняя собой покупку, решил включить его. Но, его пошатнуло. И, чтобы не грохнуться назад на диван, он ухватился за телевизор. И тот, не устояв на тумбочке, полетел на пол.

От удара, корпус раскололся и вывалившийся из него экран, тихо лёг на бок.

Казалось на секунду все отрезвели. Первым очухался находчивый Вобла:

- Ну что мужики, - заплетающимся языком, вымолвил он, я пошёл, уже пора.

Еле встав со стула, раскинув руки для равновесия, Вобла побрёл к двери. Ещё через минуту, стал делать попытки встать с дивана и Виктор Васильевич. С третьей попытки ему это удалось. И, не то извиняясь, не то сообщая о причине своей ретировки, он, так же, заплетающимся языком произнёс:

- Да мужики, и мне пора. А то Надька меня вообще убьёт.

Пётр Даниилович ещё сидел, угрюмо уставившись на лежащий на боку кинескоп.

Потом глубокомысленно изрёк:

- Это ничего, это хорошо, такая примета, если что бьётся, это к счастью, это к прибыли.

Потом так же, из всех сил стараясь держать равновесие, стал подниматься со стула, опираясь на стол. Под его массой стол накренился и с него, со звоном и грохотом, полетела посуда с объедками, с окурками и со всем, что было на том столе.

Пошатываясь, но сохраняя некое равновесие, направился к выходу. И, ещё в коридоре сумел зацепить вешалку, и та с грохотом рухнула на пол.

Ранним утром, с больной похмельной головой, проснулся Роман Денисович. Поднялся с мягого дивана, на котором спал, даже не раздевшись и не разувшись.

С трудом, в своём больном мозгу стал восстанавливать картины вчерашней попойки. Глядя на разбитый телевизор, лежащий на полу и на весь погром в своей однокомнатной квартире, думал:

«Вот тебе и примета, вот тебе и радость, вот тебе и прибыль. Нет телевизора, а кредит на год, есть».

Хорошая примета!!!

До полудня провалялся Роман Денисович на диване с мокрым полотенцем на лбу.

Когда немного попустило похмельное состояние, чуть утихла головная боль, решил выйти во двор, подышать свежим воздухом.

Только он открыл дверь, ведущую из подъезда, ему в глаза бросился столик в глубине двора. На лавочках по обеим сторонам столика сидела вся вчерашняя троица, видимо обсуждая, где найти денег на опохмелку.

Завидев Романа Денисовича, усердно замахали руками, приглашая его в своё сообщество.

Нехотя, с трудом передвигая ноги, Роман Денисович поплёлся к столику. Не дожидаясь, когда тот подойдёт, Вобла закричал ему:

- Денисыч, ну что, может опохмелишь?

От такой наглости у Романа Денисовича и речь отняло. Волна возмущения поднялась из самого сердца. От возмущения он потерял дар речи и остановился как вкопанный, не в силах сделать вперёд ни шага.

Видимо поняв свою промашку, Вобла пытался как-то исправить ситуацию.

- Да я это чего говорю: мы тут с мужиками кумекаем, ведь не всё же пошло вчера выжрали. Может по грамульки на рыло найдётся?

Его слова подействовали и, как будто, придали Роману Денисовичу силы. Преодолев тех метров пять, Он рухнул на лавку рядом с Петром Данииловичем.

- Здорово мужики, - не глядя на Воблу поприветствовал он собравшихся: - Тошно мне, что и делать не знаю.

- А что тут думать. Давай возьмём пузырьёк и с горя тяпнем по сотке. – Не унимался Вобла.

- Слушай ты, - с перекошенным от злости лицом, повернулся к Вобле Роман Денисович: - я тебя сейчас так опохмелю, что до конца жизни хмельной ходить будешь!

- Ты чё, ты чё, Денисыч, я же как лучше хотел, вижу тебе худенько.

- Отстань от мужика Вобла. Видишь, не до тебя ему: - Вмешался в разговор Пётр Даниилович.

С минуту посидели молча.

- Ну что делать думаешь, - прервал молчание Виктор Васильевич.

- Что делать, что делать, не знаю, что делать. Ни денег, ни телевизора, - сокрушённо ответил Роман Денисович: - до полочки тянуть, а там получить крохи. Ведь, по любому за кредит выплачивать придётся.

- Да..а..а, дела! – не то сочувствуя, не то подтверждая непреложный факт, констатировал Пётр Даниилович.

А, в тот момент, у подъезда сидел старичок. Его звали с уважением Ян Олегович. А, с уважением звали, потому что так и относились к нему. Ибо он был человеком верующим и мудрым. Его никогда не видели ни пьяным, ни с сигаретой, ни возмущённым, ни злоречивым. Постоянно с сияющими добротой глазами, застенчивой улыбкой, и добрым словом на устах.

Можно сказать, так: уважать уважали, но и не очень с ним общались. Когда о нём между кем-то заходила речь, то обычно говорили: «А, это тот штунда?»

О вчерашнем застолье знал уже весь дом. Не прошёл этот слух и мимо ушей Яна Олеговича.

И вот, сидя у подъезда, он слушал о чём рассуждают мужики у столика, и, видимо, какие-то мысли тревожили его.

Через какое-то время, он поднялся со скамейки и направился к столику в глубь двора.

Подойдя к столику, тихо произнёс:

- Приветствую вас.

Мужики, как по команде, повернули к нему головы.

- О чём это вы тут рассуждаете?

- Да вот, - начал Вобла: - казус тут вышел вчера с перепоя. Вот теперь и соображаем, как бы нам головы поправить. Ты Олегыч не поможешь? Может займёшь нам на пузырь, чуть-чуть подлечиться?

Ответ Яна Олеговича заставил удивиться не только Воблу, но и всё это сообщество:

- Себя перешагнуть, не каждый может. Не сложно идти вслед за своими похотями. И

не о том ты думаешь уважаемый Руслан Борисович, - обратился Ян Олегович к Вобле:

- до выпивки ли сейчас Роману Денисовичу? Вы бы лучше порассуждали, как помочь ему в его состоянии. Вот как ему теперь выживать? Много ли сторож получает? А за товар, приобретённый им, платить придётся.

Вот и скинулись бы кто сколько может, чтобы помочь ему долг погасить.

Ну вот вы, Руслан Борисович, сколько могли бы пожертвовать другу?

Вобла нервно заёрзал на скамейке:

- Я? А чего это сразу я? С моей пенсией не до жиру. Лишь бы как-то и так без долгов.

Вот и коммунальные оплатить и Нюрке, внучке что-то подкинуть. И вообще...

- Так, понятно с вами Руслан Борисович. Как опохмели, так тут Роман Денисович – друг. А как помочь Руслану Денисовичу, то тут и коммунальные и Нюрка, всё до кучи. Хорош друг!

Ну а вы, уважаемый Виктор Васильевич? Чем можете помочь другу?

Я то? Ну я, я, я, - ну что я? Вообще, меня за вчерашнее и так Надька чуть со свету не сжила. Да и тёща вон приболела. А лекарства знаете какие дорогушие!

- И с вами всё ясно, - решил Ян Олегович: - А вы, дорогой Пётр Даниилович? У вас что? Тёща? Внучка? Жена? Лекарства?

- Да нету у меня тёщи, - обижено пробубнил Пётр Даниилович: - уж, три года, как схоронил. И чего это, как что случится, всё Пётр Даниилович, Пётр Даниилович. Я что ли тот телек ломал?

- Ну и с вами, дорогой мой, всё ясно. Ну и теперь вывод: как опохмели, то Денисыч – друг! А как помощь оказать, так много причин, чтобы не сделать доброго.

Велика сила эгоизма! Даже, ещё в утробе матери, и то, младенец толкается, ища, даже в таком тесном пространстве, себе место поудобнее. И, как я понимаю, вы можете быть свободными. Мне потолковать с Романом Денисовичем хочется наедине.

С понурыми головами компания дружно поднялась с лавок и отправились каждый в свою сторону.

- Ну а ты, Роман Денисович, что дальше думаешь предпринимать? – обратился Ян Олегович к Роману.

- Что тут предпримешь, буду жить, буду видеть.

- Ну что же, верное решение. Я собрал немного денег. Весь долг ты не покроешь. Но, хот сколько-то.

- Да что вы! Как мне у вас взять? Вы тоже не миллионер. Нет, не возьму я у вас.

- Возьмёшь, - твёрдо уверил Ян Олегович: - и, уж коль решил жить, то и живи правильно.

Из-за чего все проблемы начинаются? Из того, что без Бога живёте. Не знаете ни Бога, ни Писания. А в Библии все основы нашей жизни. А в вере все надежды на жизнь. И жизнь наша – Бог!

Для чего спрашивается ты затеял ту пьянку?

- Как для чего, - удивился Роман Денисович: - примета такая, замочить попку. Исстари ведётся.

Наши пращуры...

- Да брось ты эти сказки. Какие пращуры? Все эти байки придуманы, чтобы вот такие как твои друзья могли на дармовщинку пожить за счёт другого. Приметы – это совсем другого рода деяния. Вот летом, когда горизонт окрашивается багрянцем, ты точно знаешь, что следующий день будет жарким. Вот это приметы природы. Когда по осени журавли косяками летят на юг, ты знаешь, что не за горами морозы. Сама природа нас учит разуму и к чему готовиться в ближайшем. А твоя пьянка, о чём говорит? Лишь о том, что утром будет болеть голова. И это ты находишь приметой?

- И что, твоя Библия точно рассказывает о всех приметах?

- Ну, первое, не моя, а Божья Библия. Библия – это завершённое слово Божье для всех людей. Внимательно читая и изучая её, ты найдёшь в ней советы на все случаи жизни. Поймёшь, как правильно поступать, и как лучше не поступать. А кроме того, ты узнаешь Самого замечательного Человека, который сумел подарить спасения всем, кто желает. И даровал великий смысл жизни, начиная от простого рабочего или домохозяйки до министра и царя.

- Интересно! И как бы мне почитать эту книгу?

- Знаешь, я тебе подарю Библию. И более того, давай договоримся, что каждый вечер, скажем так, часов в семь, я буду приходить к тебе и мы вместе будем читать её и пытаться в ней разобраться.

Тут Роману Денисовичу пришла на память инструкция к телевизору, которую они с Виктором

Васильевичем так и не смогли осилить.

- Не знаю, получится ли у меня. Вот инструкцию к какому-то телевизору и то не смог понять.

- Ничего, получится. То инструкция, люди писали. А то Библия – писал Сам Бог. Улавливаешь разницу?

- Ладно, попробуем. В конечном итоге, чем я рискую?

- Да ничем. Только одним – расстаться с грехом.

- Ну, этого добра не жалко!

- Кому как, многие почему-то считают, что этот позор их достоинство, - завершил разговор Ян Олегович, поднимаясь из-за столика.

.....

Полгода занимался Ян Олегович с Романом Денисовичем. Каждый вечер приходил к нему, бережно неся под мышкой потрёпанную, видевшую виды, Библию. Роману же Денисовичу он подарил новенькую в синем переплёте Библию.

И начинал общение Ян Олегович неизменно с молитвы.

Сначала они читали главу за главой, не пытаясь как-то исследовать. Позже, уже с осмыслением прочитанного. Опираясь на то, что уже было известно им из Писания,

делали некоторые выводы. Находили «золотые стихи». Утверждались в неоспоримых истинах.

Хочется отметить, что Роман Денисович оказался способным учеником. У него оказалось особое чутьё на духовное. И слово Божье давалось ему легко и без принуждения.

Уже на третьем месяце изучения Библии, Ян Олегович привёл Романа Денисовича в свою церковь. Там Роману очень понравилось.

И, через полгода занятий, плюс посещение служений в церкви, ко всему Ян Олегович ввёл Романа в малую группу, которую вёл пастор, Роман Денисович покаялся. Покаялся не по-книжному, не на эмоциях, не следуя чьему-то примеру, а осмысленно и искренне.

И, через три года, Роман Денисович был рукоположён на дьякона.

Встречаясь с прежними друзьями, он вежливо здоровался и на том их отношения ограничивались.

- Во, дывись, штудны закодировали нашего Денисыча! – толковали между собой друзья: - Глянь, ни пьёт, ни курит.

- Не было бы счастья – несчастье помогло. Знать, и горе ведёт к Богу! – в задумчивости философски констатировал Пётр Даниилович: - Такая вот примета получается братцы!